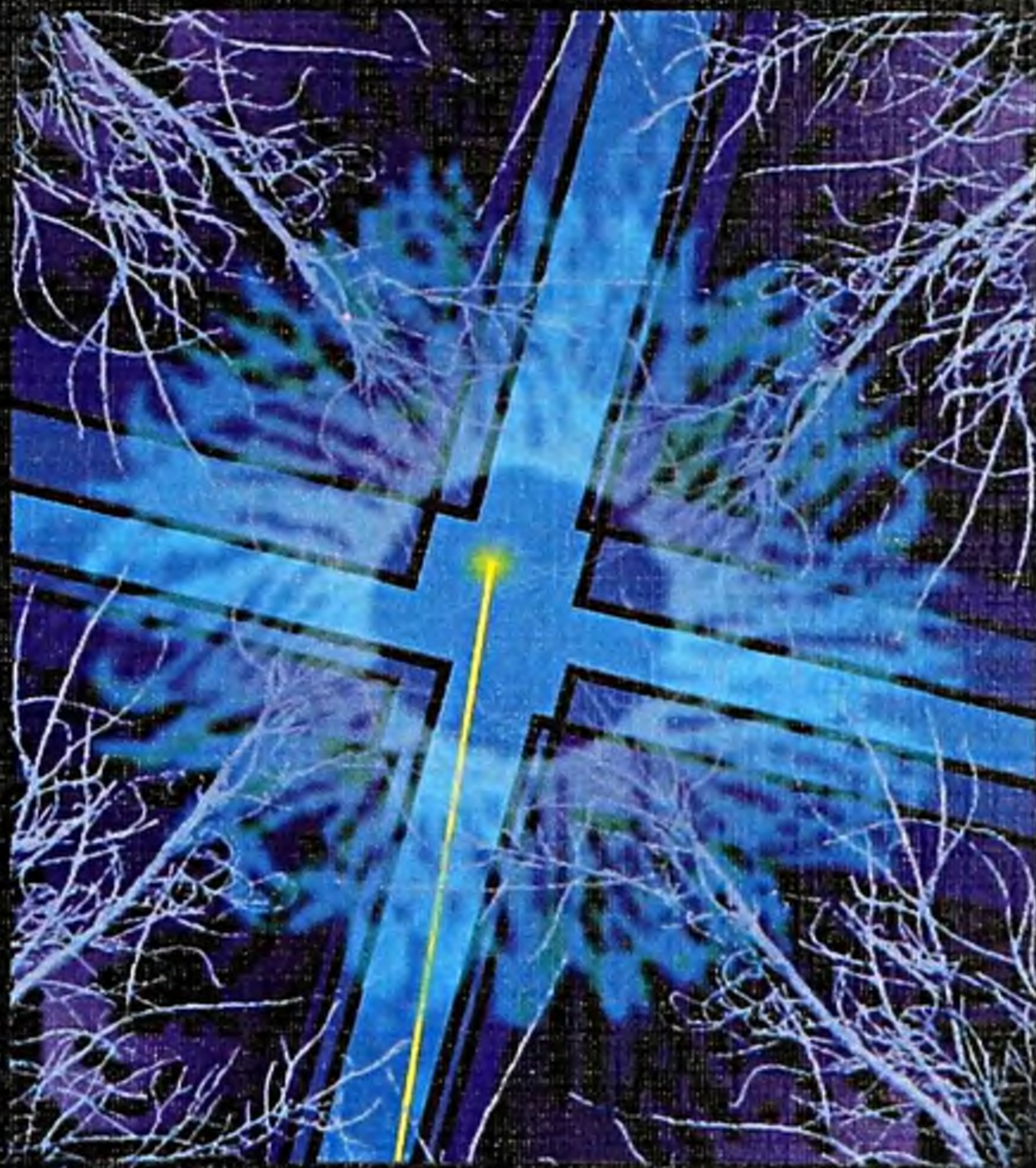

ВАЛЕРИЙ МАЛИНОВСКИЙ

Пять минут на перекрестке

22.08.1102

3 TMO T. 2000 3. 440-79

ВНИМАНИЕ
ВНИМАНИЕ
ВНИМАНИЕ

84(2 Рос = Рус) БкР
М. 19

Валерий
Малиновский

Пять минут на перекрестке

СТИХИ

125660

Библиотека-музей
г. Находка

Добровольное общество
любителей книги России
Приморская краевая организация

ГБМ

Владивосток, 2001

112с

ОК | ЦБС
г. Находка

*Выражаю благодарность Назаренко Елене Миновне,
Титкову Владимиру Федоровичу, Шевчик Елене Васильевне
за добрые советы и помощь в издании этой книги*

ISBN 5-7278-0197-4

©Валерий Малиновский, 2001

©Андрей Майоров, художник, 2001

©Елена Дворянкина, дизайн, верстка, 2001

©Приморское общество любителей книги, 2001

Памяти моих родителей
Мечислава Степановича
и Варвары Игнатъевны
посвящаю я эту книгу

Я живу

Человек не гибок, как лоза,
Но и та растет лишь у воды...
Когда реку застилают льды,
Утихают птичьи голоса.

Может, предпоследние мосты
Я сжигаю на своей дороге,
Но последний мост моей мечты
Зародился в легком книжном слоге.

Я вторично не пройду дорогой,
Как никто и никогда не проходил...
Я живу. Но голос мысли строгой:
Что я жил, что – верил, что – любил...

Два мира

Две степени родства. Два мира.
Один ушел и больше не придет.
Лучом надежды засверкала Лира,
Звездой новою отметив небосвод.

И свет ее в ночи желанен ярко,
Но Зодиак все так же строг и смел.
Двенадцать знаков на небесной арке
Сочтут за месть избранника удел.

Их круг незыблем в сфере неба ясной,
Глубин пространства край определен.
И в новом лике трижды вождеден
И ход часов, и цикл года властный.

Две степени родства. Два мира.
И лира поступью неслышною сойдет.
И потому в свеченье Альтаира
Моя душа, отмучившись, уйдет.

Привет

Тридцать пять – это полжизни,
Если хоть немного повезёт,
Если боль и кровь, и суд Отчизны
Жизни ранг на жизни суть сведёт.

Мы теперь не знаем: кому – сколько,
Где и как пожитки собирать,
Что хлебать из чаши жизни горькой,
Оттого – и долгих тридцать пять.

Столько лет я не был в милом крае,
В мире детства, сердцу дорогом,
Сквозь года пульсирующем рае
Крохотным недолгим мотыльком.

Сколько лет прошло дорогой длинной,
А те годы вовсе далеки;
Среди гор цветущею долиной
Мой привет примите, земляки!

Вершин протянутые руки

Четвертый месяц бродим в море с тралом
Под песни лютые седого ноября.
Но иногда в закатном небе алом
Распахивают дали нам моря.

Четвертый месяц я гляжу на горы
Далекой и обветренной земли,
Отец и мать когда-то на которой
Декабрьской стужей сына родили.

Средь гор мятежных, дышащих камнями,
Среди потоков огненных качать
Послевоенными лихими днями
Меня любила ласковая мать.

Времен далеких сказки вспоминала
Про красных молодцев, рубившихся в степях,
И вечерами песни напевала
Мне о далеких курских соловьях.

И вот я здесь, я рядом, но не тронуть,
Не прикоснуться и не ощутить
На тридцать пять растянутую ровно
В годах хранимую, невидимую нить.

Не тронуть гор биения рукою,
Не тронуть запах дышащих свечей,
Не прошуршать осеннею тропою
За крайним домом стихнувших Ключей.

Но губ моих коснулись ваши звуки,
И замер в них неслышный разговор.
Вершин нагих протянутые руки
Мне согревают плечи с этих пор.

Письмо сыну

Здравствуй, мой милый!.. Давно не писала...

Не с чего было. Так Нина прислала.

А то ведь конвертик хотела купить,

Да только без хлебушка мне не прожить...

Тихо сегодня. Нет новостей.

Так себе жизнь, как у многих людей.

Пенсию с Пасхи, поди, не дают,

Старухи теперь к ноябрьским ждут.

Смотрю вот в окошко да чай попиваю.

Больная уже и совсем не гуляю.

Раньше скамеечка в сквере стояла,

Да детвора летом все поломала.

Матрену, что помнишь, царствие ей,

Убил за чекушку какой-то злодей.

Наш участковый ко мне постучал,

Да что я там знаю на этот случай?

Век доживаю, теперь уже что,

Платок твой сменяла, а то ведь пальто

Совсем изнасилось. Зимой – холода,

Горячая нынче все реже вода...

Да ничего, как-нибудь протяну,

Только б не начали снова войну.

Вот Жириновский, так просто кричал,
А то и за косы кого-то таскал.

Оно ведь то плохо, а то – ничего,
Может, научат в Кремле-то его.

Тетя твоя мне письмишко прислала:
У них так же само все вздорожало.

Степана полгода уж как схоронила,
А дочка у ней – так ее позабыла.

Внучок-то остался да в школу пойдет,
Может-то, к школе его заберет.

Хлопцы какие-то стали ходить:
Квартирку мою хотели скупить.

Куда ж, говорю, коли вам все продать?
Так ведь по ребрам стали шпынять.

Федькин-то старший, спасибо ему,
Тот, что попал за Зойку в тюрьму,

С ними как будто пошел покурить,
Так перестали теперь приходить.

Я-то его еще сосунком
Часто поила домашним кваском.

Мать-то, бывало, на месяц запьет,
Жалко мне было: малой пропадет.

Много еще написать бы смогла,
Свечка вот только сгорела дотла.

График у нас, так теперича свету
Года уж два как вечером нету.

Сейчас притулюсь немного к окну
Да допишу. Шибку одну

Я-то помыла, а со двора
Мне помогала вся детвора.

Хлопец один – так тот кисть приносил,
Красил решетку, что ты смастерил.

В теплую пору цветочки на ней:
Мне ведь, старухе, все веселей.

Ты уж теперь одевайся теплей
Да обними за меня-то детей.

Тамарке своей привет передай
Да уже хватит, не обижай.

Если до лета еще не помру,
Так хоть посылочку вам соберу.

Сядь да две строчки мне напиши –
Все поприятней-то мне для души.

С тем и прощаюсь – свет уже плох,
Да сохрани вас, безбожников, Бог...

Пойми меня

Колыбельная тишь —
На сто миль от бортов —
Нашим душам вторись
Эхом дальних портов.

Море в дрейфе лежит
После трудного дня;
Мое тело дрожит,
Невесомость храня.

Всего двадцать шагов —
Это северный путь,
А до южных винтов —
Вдвое больше шагнуть.

Ну чего ты молчишь
После первых тостов?
Мы ведь выпили лишь
Всего-то по сто...

Твои губы шепнули
Что-то вроде печали,
Веки часто моргнули,
И мы замолчали.

Посмотри в синеву –
В ней покой обретешь;
И опять наяву,
И опять ветра ждешь.

Не привык к тишине:
Тишь на море – как жуть...
– Хошь, о первой жене
Я тебе расскажу?

– Давай выпьем по сто
В переборках стальных,
И расскажешь потом
Обо всех остальных.

Ты бывалый моряк –
Магадан, Сахалин...
И прожил на морях
До бескрайних седин.

Ходил в гордом значенье
До южных широт
И гордился в харчевне
Банкой из шпрот.

Ты бывал в Лас-Пальмесе
Делегатом страны,
И твои в белой массе
Чернели штаны.

Ты в Японии брал
Джип за тысячу иен!
А теперь вот пропал
От больших перемен...

Не грусти, старый хрыч, –
Возродится Россия:
Еще дернешь махры
В упаковке красивой.

На пенсию сляжешь,
Коль будет кровать,
Чего здесь не доскажешь –
Будешь там вспоминать...

Море в дрейфе лежит
После трудного дня;
Наше тело дрожит,
Невесомость храня.

Колыбельная тишь
Да бескрайний простор...
Что ты в море глядишь?
Давай примем по сто...

Без галстуков

А давай, Рютаро Хасимото,
Мы рванем в сибирскую тайгу!
Ты ведь там, в Японии, измотан,
Да и я в Москве уж не могу.

Проведем тельняшковую встречу,
Посидим с ушицей у костра.
На проблему вашу так отвечу:
Для тайги проблема не остра.

Покажу, как жили декабристы,
Расскажу, что знаю, про ГУЛАГ.
Мы с тобою вроде как туристы:
Без костюмов строгих, без бумаг.

Мы с тобой два друга, два соседа.
В нашем море – общая вода.
Будет рыба вашей – до обеда,
А с обеда – в наши невода!

Посмотри, Рютаро Хасимото,
Как в Сибири воздух свеж и чист,
Как кипит вблизи костра работа,
Глаз как зорек, голос как речист!

Мы с тобою – символы народов,
Мы с тобой – избранники двух стран.
Коли нам доверена природа, –
С ней и потолкуем у костра!

Ожидание

Нам в грудь с тобой – попутный ветер,
Времен истерзанных страна.
Злой рок тебя сполна отметил:
Разорена и холодна.

С чем рухнешь в трехтысячелетье?
Кто твой в ночи осветит лик?
Кто тихо тронет за предплечье,
В словесах робок, но – велик?

Ты ждешь, как в утреннем тумане
Призябший сад – весеннего луча;
Ты ждешь Его. В сплошном обмане,
Достигнувшем паралича.

Нам в грудь с тобой – попутный ветер,
Времен истерзанных страна.
Перед глазами – мутный вечер,
А со спины у нас – весна?

* * *

Маневр года на “Ле Комб”:
Его не ждали, но – случился...
И Мика тут же превратился
В легенду, славою влеком.

Россия ждет маневра века:
Пилот примерил шлемофон...
И, может, вскоре страшный сон
Прервется волей Человека.

Давай поспорим

Трясет весна землею вас,
А нас – качает морем.
У них сегодня – белый вальс,
Давай с тобой поспорим.

У вас разрушились дома,
А мы стоим в заторе.
Все удивительно весьма,
Давай с тобой поспорим.

У нас метель три дня метет,
А вас – постигло горе.
Какая связь нас предает,
И можно ль с нею спорить?

Вольный ветер

Ветер, ветер, что ты свищешь
Ураганным нравом злым?
Что ты в поле пенном ищешь,
Волн хребты смотав в узлы?

Водных круч вздымая гребни,
Рвешь их силу о борта;
И судов стальных деревни
Гложет пеной высота.

То закапываешь глубже,
А с хребта скользит сосед;
И все уже, уже, уже
Нашей улицы просвет.

И уже деревня в пляске
Ритуальной молит гладь,
Иль ты в жертвенной окраске
Нрав свой метишь обуздать?

Ты сильнее свищешь бурей –
И быстрее танец в море;
И уж нет предела хмури,
И уж нет дыханья – вскоре.

Ты узлов расставил петли
В пенной мгле, уж нет воды;
И ошибся иль промедлил
В злобной пляске миг вражды.

И сдавила горло злоба –
Взвился ты в последний раз;
Обессилившие оба:
Рухнул я, и ты угас.

Зыби утренней накаты
Колыбелью тронут днище,
И уйдем мы спать, и зря ты,
Ветер вольный, в море свищешь.

Невидимые нити

Уставшая пташка на палубу села
В дороге слегка отдохнуть:
В родные места, на Камчатку, летела –
Инстинктом начертанный путь.

Шторма и туманы – удары погоды
Стаю разбили в пути,
Но гонит ее зов всесильной природы
Коротким, но властным: “Лети!”

Гуси и утки, чавыча и кунджа –
Все в этом зове сплелись –
Спешат на Камчатку, порознь и дружно,
Туда, где они родились.

И где бы теперь судьба ни носила:
В морях ли, в прохладе лесов,
Влечет и меня вулканической силой
Тайный безудержный зов.

Бывает, далеким, чуть слышным звонком
Коснется твой облик ночей,
И сердце всплеснется, сожмется замком,
Проникнувшись пульсом Ключей.

Обелиск

Уходят корабли... Вершины волн ломая,
Бросают тело вниз. И на скаку
Проходят месяцы до мая
За первый день на берегу.

Нагих Курил упрятав зуд, присел туман:
Холодной теплотой овеял мачты высь.
Великий Тихий, как пружина-рысь,
Таит безмолвье и обман.

В столетья просится молва. Так вышло.
На карту первым бросив путь,
Остался Беринг в нем, чтоб было слышно,
Куда идущим повернуть.

А море – что? Хранитель доньих тайн.
Осто́вы кораблей... Курганы ильих пут...
Ушедших с ними душ людских дизайн
На переборках памяти. А их всё ждут...

Не вестшие вдовства, во трепет встречи выют
Лучи кольца, глубинный видя лик.
У черных скал последний вздох сольют
Седые гребни, вздыбив обелиск.

На грани той, где горло бездны сгложет,
Где чайки крик – им колокольный звон,
С шипящим звуком слово губы сложат
И соли яд насыщат долгий сон.

Вам – долгие гудки. Полотнищ низкий лет
Над высотой воды. И розы павший лист...
У черных скал седой волны полет –
Вам вечный обелиск...

